

**Соловьев-Несмелов Николай
Александрович**

Счастливые годы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович С.**
Счастливые годы / Соловьев-Несмелов Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 127 с.

ISBN 978-5-519-74863-6

Сборник рассказов для детей среднего возраста

ISBN 978-5-519-74863-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Красное яичко.

Была поздняя Пасха. Весна давно уже пригрѣвала горы, долины, лѣса, большія и малыя рѣки. Ледъ трещалъ, сердился, глухо ворчалъ, передвигаясь широкими пластами внизъ по теченію рѣкъ, весь исхудалъ, истаялъ и замолкъ; рыхлый снѣгъ переродился въ игривые ручьи, и земля ожила подъ теплыми, ласковыми лучами весенняго солнечнаго припека. Травка за травкой ползла на просторъ и свѣтъ Божій, показались уже и первые цвѣты новой весны. Жаворонокъ, кружась, заливался въ голубой прозрачной выси; скворцы нашли себѣ уже готовыя квартиры на вышкахъ чистенькихъ скворешень, расплачиваясь каждое утро за это помѣщеніе звучной пѣсней съ прищелкиваніемъ и присвистомъ на соловьиный ладъ. Дѣти свободно уже бѣгали въ легкихъ костюмахъ по двору, по саду,

начинавшему зеленѣть, и по улицѣ, тоже хлопотавшей, гдѣ только можно, пустить къ свѣтлому празднику хоть узенькую полоску зелени. Была пятница Страстной недѣли; все прибиралось, приметалось, приготовляясь къ празднику. Дѣти помѣщика Броницына, Нина и Витя, сновали повсюду, заглядывая въ кладовую къ тетѣ Анѣ, хлопотливой, крѣпкой еще старушкѣ, весь почти день не пристѣвшей и столько возившейся съ куличами, пасхой, разными бабами и крашеньемъ яицъ подѣ личнымъ ея надзоромъ, что чепецъ старушки съ широкими кружевами совсѣмъ сбился на бокъ; а она этого и не замѣчала.

— Тетя, милая тетя, а намъ-то будутъ маленькіе куличики и яички отъ бѣлой шпанки?! Ты вѣдь общала!.. — щебетали, какъ птички, ласкаясь къ теткѣ, и бойкій Витя и бѣлокурая Нина, золотистые кудри которой такъ и прыгали по раскраснѣвшемуся лицу и по захудалымъ плечамъ, какъ живые...

— Успокойтесь, успокойтесь, и куличи вамъ будутъ и яйца вашей шпанки...

Витя, поглядывая издали и предвкушая всѣ удовольствія предстоящаго праздника, все-таки соображалъ и о настоящемъ: нельзя ли чего отъ доброй тети заполучить именно теперь.

— Тетя, миндаль-то вѣдь не скоромный?..

— А что, миндалю захотѣлось? Потерпи, голубчикъ, въ куличѣ его получишь...

— Дай намъ теперь съ Ниной... не-мно-жеч-ко...

Скворцы нашли уже себя готовые квартиры.

— Идите-ка вы въ дѣтскую, тутъ вамъ не мѣсто; еще напраказите, и мама будетъ сердиться.

— Да нѣтъ... мы только поглядимъ, что ты тутъ дѣлаешь...

«Бумъ-бумъ-бумъ!..» раздалось съ колокольни деревянной сельской церкви... Тетя Аня и дѣти поспѣшно перекрестились...

— Ну, вонъ и къ вечернѣ звонятъ, — идите-ка вы въ церковь, приложитесь къ плащаницѣ.

Дѣти выбѣжали изъ кладовой на высокое крыльцо; звонъ еще яснѣй и гуще разливался по теплomu воздуху, манилъ и звалъ къ себѣ все население — и старыхъ и малыхъ. И народъ шелъ къ церкви одинъ за другимъ. Дѣтей заняло это движеніе: вонъ идетъ такъ плавно баба съ ребеночкомъ на рукахъ, вонъ вся согнутая старуха съ клюкой еле передвигаетъ ноги и что-то шепчетъ сморщенными губами, вонъ босые ребята улепетываютъ, обгоняя всѣхъ, вонъ шагаетъ широко рыжебородый мужикъ въ высокой шляпѣ гречушникомъ, съ перехватомъ посрединѣ... вонъ еще и еще живыя праздничныя лица... Хорошая картина!.. Но дѣти какъ-то разомъ, случайно, опустивши глаза на нижнія ступеньки крыльца, оторвались отъ наблюденій улицы и движенія по ней: ихъ отвлекла отъ этого маленькая бѣлая курочка-шпанка; она, прыгая со ступеньки на ступеньку, то и знай повторяла: «Тете-те, такъ-такъ-такъ!..» — а сама все оглядыва-

лась кругомъ... Это была любимица дѣтей, и звали они ее Машей...

— Маша, Маша, что тебѣ?..—закричалъ первый Витя. — Вѣрно, проголодалась?!

— Нѣтъ, вѣдь мы ужъ ее кормили; она, видно, яички свои ищетъ, видишь, вездѣ заглядываетъ!.. И какъ печально что-то по-своему говорить, будто жалуется на что.

— Ступай, ступай, Маша, — снеси еще себѣ новое яичко, а твои прежнія намъ тетя красить на праздникъ...

« Те - те - те, такъ - такъ - такъ! » разговариваетъ курочка, нерѣшительно поглядывая по сторонамъ.

— Нина, Витя!.. Гдѣ вы? Пойдите-ка, одѣньтесь... пора въ церковь!.. — послышался голосъ матери, а потомъ показалось и ея бѣлое серьезное лицо... И дѣти поспѣшно направились къ матери, оставивъ озабоченную чѣмъ-то курочку, тихо сходящую внизъ по ступенямъ крыльца опять во дворъ; ее отгоняла прочь быстрымъ прыжкомъ довольная Валетка, разомъ откуда-то подскочившая къ дѣтямъ.

* * *

Вотъ и суббота... Еще немного, и послышатся въ церкви на улицѣ, въ домахъ : *Христосъ воскресъ ! — Воистину воскресъ !* Какъ всѣмъ весело, пріятно ждать этого праздника, — особенно дѣтямъ !.. Сколько каждому заботъ, хлопотъ и радости потомъ... Куличи, пасхи готовы и убраны ожерельемъ крас-

ныхъ лицъ. Вонъ Нина съ Витей видятъ—и ихъ куличики и красненькія яички умѣстились тутъ же въ сторонкѣ, на бѣлой скатерти круглаго стола.

— Прилягьте,—говоритъ утомленнымъ голосомъ тетя, — сосните, а какъ только проснетесь — все вамъ и готово... И праздникъ свѣтлый прійдетъ съ утренней зарей...

Но дѣтямъ не спится, раздѣлись они, и уже въ кровати, а то и знай перекликаются:

— Ты, Витя, не спишь?

— А ты, Нина?

— Нѣ-ѣтъ!.. Скоро заря ужъ съ праздникомъ прійдетъ: того и гляди, она въ окнѣ покажется... Поди, ужъ она близко, тамъ, за горой, за лѣсомъ идетъ... Что это она тамъ долго такъ копается?! Вотъ если бы я была зарей - то, — шепчетъ Нина, — такъ я бы все бѣгомъ - бѣгомъ и скоро бы ко всѣмъ прибѣжала...

Дѣти умолкли, а заря какъ разъ тихо и подкралась, выглянувши, дѣйствительно, надъ лѣсомъ лиловой полоской, все шире и шире разливаясь по небу и алѣя, подползая ближе и золотя верхушки дремавнаго бора; а дѣти спали крѣпко и видѣли хорошіе сны; не слышали они, какъ весело звонили колокола на высокой колокольнѣ: «Динь-динь-донъ!.. динь-динь-донъ!.. дзинь-дзинь-дзинь!.. бумъ-бумъ!.. тренъ-динь-донъ!..»—такъ часто, скоро, какъ будто, захлебываясь, выговаривали: «Радость, радость

вамъ!.. Радость бѣднымъ и богатымъ, радость малымъ и большимъ!..» Народъ широкой волной уже двигался изъ церкви; всѣ крестились, лица сияли улыбкой; ребята прыгали, старики вели неспѣшные разговоры; всѣ обнимали другъ друга и цѣловались.

— Нина, Нина! Ужъ Пасха пришла, — вскочивши съ кровати, кричалъ надъ ухомъ сестры Витя.

Дѣти наскоро одѣты и стоятъ уже въ большой залѣ; полный священникъ кропитъ водой пасху, куличи, яйца. Тетя Аня сунула Витѣ и Нинѣ по маленькому яичку, сказавши: «Идите, похристосуйтесь съ батюшкой!» Витя подошелъ первый. Нина немного замѣшкалась; она еще разсматривала свое яйцо, поглаживая его тонкими пальцами; ей, видимо, жалко было съ нимъ разстаться, но подошла и она. Батюшка сказалъ: «Христосъ воскрес!» Она замаялась и забыла, что ему отвѣчать, промолчала и сунула свое яичко въ полную руку о. Михаила; онъ поцѣловалъ ее, сунулъ яйцо въ широкий карманъ, погладилъ Нину по головѣ и далъ ей большое лиловое яйцо. И жалко, очень жалко стало Нинѣ своего маленькаго яичка любимцы---шпанки...

Въ это время всѣ уже разговѣлись освященнымъ куличомъ и пасхой, лица у всѣхъ были веселыя, улыбающіяся, одна Нина выглядывала печально, — но ея вначалѣ никто не замѣчалъ. Дѣвочка усѣлась на стулъ въ углу и, казалось, о чемъ-то озабоченно раздумывала...

— Что ты, Нина? Что съ тобой?..—вдругъ надъ ухомъ ея раздался голосъ тетки. — Какая радость пришла, а ты запряталась тутъ, сидишь, опутивши голову!..

— Ничего, тетя... А у меня яичка-то и пѣтъ!..— сказала почти шопотомъ дѣвочка, и навернулись у нея слезинки, нѣкоторыя изъ нихъ, вѣрно, отъ непосильной сдержанности даже попали въ ея горло; она захлипала и заикала.

— Какъ нѣтъ?.. Да у тебя же, видишь сама, въ рукахъ яйцо!

— Да это батюшка мнѣ далъ, а маленькое-то я ему отдала...

— Такъ сказала бы мнѣ... Что это, Господь съ тобой... Кто же нынче плачетъ и груститъ... Птица, и та радуется...

Вотъ и другое маленькое яйцо у Нины; она рада, счастлива, весела и довольна... прыгаетъ, скачетъ изъ комнаты въ комнату, хочется ей поболтать съ братомъ; но тотъ что-то упорно возится въ дѣтской съ новой шкатулкой, которую недавно подарила ему мама.

— Будетъ тебѣ, Витя, пойдемъ... Что я тебѣ расскажу... Знаешь, я придумала!.. — звенить голосъ Нины.

— Что тамъ придумала?

— А вотъ что: давай положимъ наши яички въ коробочки, которыя у насъ уцѣлѣли отъ хорошихъ конфетъ, знаешь, что дядя Митя на Рождество намъ

На Пасхѣ.

привезъ... Да-да, положимъ,—припрыгивая, тараторила Нина.

— Ну, положимъ, а потомъ? — спрашивалъ Витя, желая знать, что дальше будетъ.

Нина, нагнувшись, чуть не шопотомъ, таинственно проговорила :

— Положимъ и укутаемъ ихъ ватой, — у меня много ваты, — у насъ и будутъ съ тобой цыплятки... свои... наши... лиловенькіе, красненькіе... разные... — И дѣвочка захлебывалась отъ удовольствія, дальше не могла она, кажется, выговорить уже ни одного слова... Витя, покачивъ головой, только и могъ на это проговорить :

— Что ты, что ты?

— Да, такіе будутъ, какихъ нѣтъ ни у кого!

— Ничего не будетъ, — яйца - то вѣдь испеченыя, да и курица на нихъ не будетъ сидѣть!..

— Ну, ты не хочешь, такъ я одна... свои только уложу, — только ты, смотри, никому, никому не говори... ни папѣ, ни мамѣ, ни тетѣ... И Никитѣ кучеру не проговорись, — оглядываясь и озираясь даже на стѣны, скороговоркой высказалась Нина и тутъ же скрылась.

Витя опять принялся за свою шкатулку, а Нина, пробравшись на цыпочкахъ чрезъ столовую и удивившись, что вблизи никого нѣтъ, принялась укутывать большое лиловое и маленькое красное яйца въ вату. А затѣмъ, размѣстивши ихъ по угламъ плетеной изянцовой бонбоньерки, патолкала туда еще